

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Пир горой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М22

М22 **Мамин-Сибиряк Д.Н.**
Пир горой / Д.Н. Мамин-Сибиряк – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-3293-3

Мамин-Сибиряк - подлинно народный писатель. В своих произведениях он проникновенно и правдиво отразил дух русского народа, его вековую судьбу, национальные его особенности - мощь, размах, трудолюбие, любовь к жизни, жизнерадостность. Мамин-Сибиряк - один из самых оптимистических писателей своей эпохи.

ISBN 978-5-4241-3293-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Н. Мамин-Сибиряк, 2021

Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Пир горой

I

Над озером Увек спускался весенний вечер. Скиты стояли на правом, высоком берегу, в тени векового бора, от которого потянулись длинные тени. На низинах и по оврагам еще лежал рыхлый, почерневший снег, а на пригреве уже чернела земля и топорились прошлогодняя сухая и желтая трава. Избитая и почерневшая дорога шла к скитам от громадного селения, залегшего на низком озерном берегу верст на пять. Селение называлось тоже Увеком, как и озеро. Зимой в скиты ездили прямо по озеру, а сейчас уже выступили желтые наледы, и дорога шла горой. Именно по этой дороге и шел странник, мужик лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом. За плечами у него болталась небольшая котомка, прикрепленная к берестяному обочью, какие делают в Сибири; в руках была тяжелая черемуховая палка, точно изгрызенная с одного конца, – она говорила о далеком пути.

Странник остановился на угорье и невольно полюбовался развертывавшейся перед ним широкой картиной. Да, хорошее место Увек, – недаром слава о нем прошла на большие тысячи верст, а увекские скиты привлекали к себе тысячи богомольцев. И озеро хорошо, верст на пятнадцать, а кругом лесистые горы. В дальнем конце озера зелеными шапками выделялись острова.

– Угодное место... – проговорил странник и перекрестился.

Долго он шел сюда, а теперь оставалось сделать всего несколько шагов. Вот уж приветливо смотрят бревенчатые скитские избы, и старая деревянная молотная, и целый ряд хозяйственных пристроек. Все это вместе обнесено было высоким деревянным заплотом (забором), а большие шатровые ворота всегда были на запоре. Около ворот одним маленьким волоковым оконцем глядела небольшая избушка, в которой жила сестра-вратарь. К ней и направился странник. Он постучал в оконце и помолитвовался.

– Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Ответа пришлось подождать. Странник посмотрел на деревянную полочку, приделанную к окну с левой стороны, и улынулся. На полочке лежал кусок хлеба для заблудящего странного человека – исконный сибирский обычай. Только на второе молитвованье в окошечко «отдали аминь» и показалась старушечья голова, замотанная платком.

– Аминь, добрый человек... Кого тебе, миленький?

– А Якова Трофимыча, мать честная...

– Якова Трофимовича? Нету у нас такого, миленький.

– Как нету? Должен быть.

– А вот и нет!..

Голова быстро скрылась, а окно сердито захлопнулось. Страннику пришлось молитвоваться в третий раз и ждать дольше. Крепко живут старицы.

– Што ты привязался-то? – ворчала старушечья голова, приотворяя оконце вполтину. – Сказано, нет! Иди своей дорогой, миленький...

– А ежели у меня грамотка к матери Анфусе?..

Строгие старушечьи глаза посмотрели на странника довольно подозрительно, точно взвешивали его.

– Погоди ужо... – ответила старуха и скрылась.

Опять странник остался у ворот. Солнце уже село, и потянуло резким весенним холодком. С Увека доносился хриплый лай цепных собак, – селение раскольник, и жили в нем по старине, крепко.

– Угодное место... – еще раз проговорил странник, подсаживаясь на приворотную скамейку. – Боголюбивые народы недаром строились. Вон как селитьба-то разлегалась, верст на шесть по берегу будет.

– Кто там хрещеный, – послышался голос в окне.

Теперь выглянуло уже другое лицо, помоложе, в черной монашеской шапочке.

– Дельце есть небольшое...

– Да ты сам-то кто будешь?

– Я-то? Ну, я, видно, дальний, а завернул в обитель с грамоткой от отца Мисаила... Крепко наказал кланяться и грамотку прислал.

– Давай грамотку-то...

– Не могу, честная старица: наказано матери Анфусе в собственные руки, а не иначе этого.

Скитские старицы пошептались, и только после этих переговоров тяжело громыхнул монастырский железный затвор. Когда странник вошел в калитку, его еще раз осмотрели и потом уже пустили дальше.

Скитский двор занимал большую площадь, обставленную простыми бревенчатыми избами. Самая большая была келарней. Двор был вычищен, а оставшийся снег таял большими кучами в стороне. Скитницы жили уютно и обихаживали свой укромный уголок с охотой, как рабочие пчелки. Сестра-вратарь провела пришельца в ближайшую избу с высоким крыльцом, где и жила сама честная мать Анфуса.

– Ужо подожди здесь, – остановила гостя сестра-вратарь, поднимаясь на крыльцо.

В окошке показалось молодое девичье лицо и посмотрело на странника удивленными серыми глазами. Это была совсем молодая девушка, лет шестнадцати, и ее лицо казалось еще моложе от черной скитской шапочки, в каких ходят послушницы. Потом это лицо сделало знак страннику идти в избу. Послушница встретила его в полутемных сенях и повела в заднюю избу. Она была такая высокая и стройная, так что странник даже полюбовался про себя. Хороши на Увеке послушницы, нечего сказать!..

Войдя в избу, странник положил начал и, поклонившись сидевшей на лавке толстой старухе, проговорил:

– Прости, матушка, благослови, матушка...

– Бог тебя простит, странничек, бог благословит, – не по летам певуче ответила старуха, оглядывая гостя, – От Мисаила сказался?

– От его, видно, – ответил странник, добывая из-за пазухи кожаный кошель. – Вот тебе и грамотка, честная мать...

Старуха взяла сложенную трубочкой засаленную грамотку, внимательно ее осмотрела и проговорила:

– Егор-то Иваныч дожидает тебя. Нарочно сегодня пригнал из городу... Спиридоном тебя звать? Так, так... Давненько про тебя пали слухи. Аннушка, проводи ты его к Якову Трофимычу...

Послушница низко поклонилась и, опустив по-скитски глаза, вышла из избы.

Спиридон, отвесив поклон честной матери, пошел за ней. Они опять вышли на двор. Девушка повела его в дальний угол, где двумя освещенными окнами глядел новенький бревенчатый флигелек, поставленный в усторонье.

– Из тайги пришел? – спрашивала послушница, легкой тенью двигаясь в темноте.

– Оттедова, голубушка... А ты кто такая здесь будешь?

– Я-то? А дочь Егора Иваныча... Мамынька-то у меня померла, ну, тятя сюда меня и отдал, под начал матери Анфусе. Четвертый год здесь проживаюсь...

– Так, так...

У флигеля пришлось опять молитвовать, пока в волоковом оконце не показалось бледное женское лицо.

– Это ты, Аннушка?

– Я, Агния Ефимовна... Вот привела к вам таежного мужика.

Окно захлопнулось. Потом где-то скрипнула дверь, и в сенях показался колебавшийся свет. Агния Ефимовна сама отворила сени и впустила гостя. Он снял шапку и вошел в низенькую горницу, слабо освещенную нагоревшей сальной свечой. У стола в переднем углу сидели два старика – один совсем лысый, с закрытыми глазами, другой плотный и коренастый, с целой шапкой седых кудрей и строгими серыми глазами. Спиридон по этим глазам узнал в нем отца Аннушки. Положив начал, он поклонился и стал у двери. Аннушка передала грамотку отцу и ушла с Агнией Ефимовной в соседнюю горницу, притворив за собой дверь.

Егор Иваныч надел большие очки в медной оправе и принялся читать грамотку Мисаила. Читал он долго, поглаживая седую бороду и изредка взглядывая поверх очков на стоявшего у дверей странника. Слепой лысый старик сидел понуро на своем месте и жевал губами.

– Ну, што? – спросил слепой, когда Егор Иваныч снял очки и начал их укладывать в медный футляр.

– А вот спросим Спиридона, – ответил Егор Иваныч. – Ну, Спиридон, што ты нам скажешь?

Спиридон тяжело переступил с ноги на ногу, опять вытащил из-за пазухи свой кожаный кошель, добыл из него что-то завернутое в тряпочку, развязал ее зубами и положил на стол. На тряпочке ярко желтело мелкое золото.

– Вот оно самое... – тихо проговорил он, оглядываясь на запертую дверь.

– Может, у бухарцев купил? – недоверчиво спрашивал Егор Иваныч, перегребая пальцем золотой порошок.

– Нет, сам добыл, Егор Иваныч... На охоте с ороконом встретился, а он мне и указал место. Могу доказать... Богачество, Егор Иваныч! Ежели бы господь благословил, так большие тысячи можно в тайге добыть...

II

Слухи о сибирском золоте ходили уже давно среди уральских раскольников, особенно среди тех из них, которые вели крупные торговые дела с киргизской степью. Егор Иваныч вырос в подручных у крупных торговцев салом, Ивачевых, и не один год провел в степи. Там, на степных стойбищах, в киргизских аулах и кибитках, он слышал десятки рассказов о сибирском золоте, скрытом в глубинах непроходимой тайги, как заветный клад. Эти рассказы переходили из рода в род, и никому еще до сих пор не удалось добраться до сокровища, несмотря на очень смелые попытки, как, например, история знаменитых братьев Поповых, проживших на это дело миллионы. Егор Иваныч успел состариться, а сокровище оставалось нетронутым. И вот теперь, когда его голова уже покрылась первым снегом, оно само пришло к нему, это сокровище. Во всей истории было что-то сказочное: и Спиридон, и старец Мисаил, и слухи, которые опередили Спиридона. Сам Спиридон не внушал Егору Иванычу доверия: мало ли по Сибири таких бродяг шатается! Просто купил у бухарцев золота и подманивает.

– Ну, вот что, мил друг, утро вечера мудренее! – строго проговорил Егор Иваныч, поднимаясь с места. – Сегодня ты ступай в Увек, там заночуешь. Третья изба с краю... Скажи, что Егор Иваныч прислал. Да смотри: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Мужик посмотрел на Егора Иваныча исподлобья, как настоящий травленный волк, а потом свернул свою тряпочку с золотом и ответил:

– Што же тут держать-то: я никого не неволю. Дело любовное, Егор Иваныч.

Егор Иваныч покраснел, не сдержался и только сухо ответил:

– Што же, другим понесешь золото?

– А хошь бы и так... Ведь ты меня не купил. Говорю любовное дело. Брюхо за хлебом не ходит...

– Как ты сказал, мил человек?

– А так и сказал... Сначала коня запрягают, а потом в сани садятся. Я-то вот тыщи с три верстов отмерил до тебя, а ты меня пирожком накормил...

У Егора Иваныча глаза потемнели от бешенства, – очень уж дерзкий мужичонка, – но он переломил себя и только заметил:

– Зубы-то, мил человек, побереги. Пригодятся...

– У волка в зубе – Егорий дал! – смело ответил странник.

Когда он вышел, Егор Иваныч громко ударил по столу кулаком.

– Нет, как он разговаривает-то, челдон?! – кричал старик, давая волю накопившемуся негодованию. – Слышал, Яков Трофимыч?

– Как не слышать, – равнодушно подтвердил слепой. – Значит, вполне надеется оправдать себя, ежели такие слова выражает. И то сказать, што ему кланяться нам со своим золотом?..

– Да ведь это еще в трубе углем написано, его-то золото!.. Надо его еще найти, а он вперед на дыбы поднимается... Одним словом, варнак...

– Не велик, видно, зверь, да лапист. А Мисаил-то што пишет?

– Да вот послушай, Яков Трофимыч... Очень уж уверился старичок вот в этом самом Спиридоне. Как бы ошибки не вышло.

Егор Иваныч опять оседлал свой нос очками, развернул грамотку и только

приготовился читать, как в горницу вошли Агния Ефимовна и Аннушка. Старик нахмурился и проговорил, обращаясь к дочери:

– Анна, ты иди-ко к себе в келью. Не бабьего это ума дело, чтобы наши разговоры слушать...

Послушница простилась и вышла, а Агния Ефимовна, как ни в чем не бывало, под села к мужу, положила к нему руку на плечо и вызывающе посмотрела на сердитого гостя своими большими карими глазами. Егор Иваныч вскочил и грузно заходил по комнате.

– Ну, што же Мисаил-то? – спросил слепой.

– Ах, отстань!.. Терпеть ненавижу, когда, напримерно, всякая баба будет нос совать не в свое дело. Всяк сверчок знай свой шесток...

– Куда же мне идти от слепого мужа? – спрашивала Агния Ефимовна самым простым тоном. – Он как малый ребенок без меня...

– Не тронь ее, Егор Иваныч, – вступился за жену слепой. – Она у меня разумница... Не бойся, не разболтает чего не следует. Ты, Агнушка, не бойся...

– И то не боюсь, Яков Трофимыч. Не какая-нибудь, а мужняя жена. Некуда мне уходить-то...

Агния Ефимовна была еще молода, всего по тридцатому году, и сохраняла еще свою женскую красоту. Лицо у нее было тонкое, белое, нос с легкой горбинкой, брови черные, губы алые; сидение в скитском затворе около слепого мужа придавало этому лицу особенную женскую прелесть. Вывез жену Яков Трофимыч откуда-то с Волги, когда зрячим ездил по своим делам в Нижний. Егор Иваныч как-то инстинктивно не любил вот эту Агнию Ефимовну, правильнее сказать, не верил ни ее ласковому бабьему голосу, ни этому смиренному взгляду, ни ее любви к мужу. Сейчас в особенности старик ненавидел эту женскую прелесть, мешавшую делать большое мужское дело.

– Ну што же ты, Егор Иваныч? – спрашивал слепой. – Што тебе Мисаил-то пишет?

– Не мне, а матери Анфусе, – поправил его Егор Иваныч. – Дело не в письме, Яков Трофимыч... Нет, не могу я с тобой по-сурьезному разговоры разговаривать!..

Слепой тихо засмеялся, откинув назад голову. Агния Ефимовна поднялась, выпрямилась и заговорила твердым голосом:

– Ты не можешь, Егор Иваныч, так я тебе скажу...

– Ну, ну, скажи! – подзадоривал старик, усаживаясь к столу. – В чем дело, Агния Ефимовна? Поучите нас, дураков...

– Приходится, видно, поучать... Зачем Спиридона отвел сейчас? Характер свой захотел потешить? Только одно забыл, што этот Спиридон из тайги сюда три месяца шел, што ежели бы его поймали на дороге с золотом, так ни дна бы, ни покрывки он не взвидел, што... Одним словом, нужный человек, а ты ему ни два ни полтора.

– Верно, Агнушка, – поддакивал слепой. – И я то же говорил... Егор Иваныч, ты не сердчай, а у нас все заодно: у одного на уме, а у другого на языке.

– Так, так... Правильно! – иронически согласился Егор Иваныч. – Еще не скажешь ли чего, матушка Агния Ефимовна? Откедова ты это все вызнала-то, скажи-ко попервее всего?

– А сорока на хвосте принесла...

– А не сказала тебе сорока, чего будет стоить эта игрушка со Спиридоном?
– Тысяч на тридцать можно обернуться...
– А где их взять?
– Яков Трофимыч даст... Дело верное, ежели старец Мисаил одобряет. Не таковский человек, штобы зря говорить.

Егор Иваныч поднялся, прошелся по комнате, остановился около слепого и проговорил сдавленным голосом:

– Дашь, што ли, Яков Трофимыч, ежели дело на то пойдет? Мисаил-то пишет, действительно, того...

– Дать, Агнушка? – спрашивал слепой.

– Ежели старец Мисаил благословляет, так, известно, дать, – решила Агния Ефимовна. – Ему-то ближе нашего знать...

Егор Иваныч стоял и молча смотрел на мудреную бабу. Ох, велика человеческая слабость, особливо, когда бес прикачнется вот на такой лад, с бабьими лестными словами!.. И сам он то же думал, только не хотел показывать виду, а баба все и вывела на свежую воду, как пить дала...

– А ты бы, Агния Ефимовна, все-таки вышла бы лучше в свою горенку, – проговорил Егор Иваныч, выдерживая характер. – Бабье-то «так» пером по воде плавает...

– Не тронь ты ее!.. – взмолился слепой. – Она у меня вместо глаза. Поговорим ладом... Што она, што я – разговор один.

– А ежели не привык я с бабьем разговаривать? Ну, да дело твое. Немошь тебя обуяла, Яков Трофимыч. Оно и взыскивать не с кого... Я это так, к слову пришлось.

Беседа задлилась во флигельке за полночь. Говорил один Егор Иваныч, обсуждая новое дело со всех сторон. Агния Ефимовна все время не проронила ни одного слова, точно воды в рот набрала. В конце концов состоялось соглашение, и старики ударили по рукам.

– По первопутку поезду в тайгу со Спиридоном сам, – говорил Егор Иваныч. – А там, што бог даст...

Агния Ефимовна вышла провожать старика в сени и, стоя на пороге, проговорила:

– Моя любая половина, Егор Иваныч.

– Из чего это половина-то?

– А из чистых барышей...

Старик только тряхнул головой: черт, а не баба.

Ш

Появление Спиридона в Увек наделало шуму во всем раскольничьем мире. Молву о сибирском мужике, отыскавшем золото, разнесли по богатым раскольничьим милостивцам разные старушонки-богомолки, странники, приживальцы – вообще весь тот люд, который питался от крох падающих. Откуда могли вызнаться все это проходимцы, трудно сказать, тем более, что переговоры Спиридона с Егором Иванычем происходили келейно. Как-никак, а молва докатилась через несколько дней до города Сосногорска, где жили богатые промышленники и заводчики: Огибенины, Рябиныны, Мелкозеровы. По богатым палатам сосногорских толстосумов шли теперь оживленные толки, и все они сводились на Егора Иваныча, который продался слепому Густомесову. Каждому хотелось отведать сибирского золота, и каждый мог только завидовать счастью слепого Якова Трофимыча, – вот уж именно «слепое счастье». С другой стороны, всем было понятно, как совершились события: старец Мисаил, к которому пришел Спиридон, сделал засылку честной матери Анфусе, чтобы оповестила богатых милостивцев, а честная мать Анфуса давно дружила с Егором Иванычем, единственная дочь которого воспитывалась в скиту у Анфусы. Дальше уж пошло само собой: Густомесов проживал в скиту уж близко десяти лет и кормил всю обитель, – ну, Анфуса и направила к нему Егора Иваныча, а Егору Иванычу тоже не вредно, если поведет все дело на капиталы слепого хозяина – сам большой, сам маленький будет во всем. Одним словом, история разыгралась, как по писаному, и комар носа не подточит.

Нашлись любопытные, которые нарочно ездили в Увек, чтобы хоть издали поглядеть на таинственного сибирского мужика. Он проживал в избе у старухи-бобылки и показывался только на озере, куда выезжал на плотике удить рыбу. Целые дни проводил он за этим «апостольским ремеслом» и ни с кем не хотел водить знакомства. Даже в скит к Анфусе ходил редко, и то на службу. Крепкий был мужик, одним словом. Выискался было один шустрый подручный от Рябининых, который с удочкой подчалил на лодке к плотнику Спиридона, чтобы завести знакомство, но и из этого ничего не вышло, – хитрый сибирский мужик даже не взглянул на него и сейчас же поплыл к своему берегу.

– Оборотень какой-то! – ругали все сибирского мужика. – Чего он сторонится всех, как чумной бык?

Дальше интересовало всех, как обойдется Егор Иваныч со своим хозяином Мелкозеровым, у которого служил с малых лет. Мелкозеров был из сальников, вместе еще с Густомесовым вел дела в степи, а потом попал в случай: продавались железные заводы у промотавшихся наследников, и Мелкозеров купил их. Все дивились необычайной смелости Мелкозерова: дело было миллионное, непривычное, а он не побоялся. Много было волокиты и хлопот, чтобы просто купить эти заводы, потому что приобрести населенные имения могли только дворяне, а не купцы. Сильно тряхнул тугой мощной Мелкозеров и добился своего, а потом уже развернулся во всю ширь. Дело было громадное, прибыльное и сулило впереди миллионы. «Ндравный» человек Мелкозеров превратился быстро в самодура и на своих заводах являлся страшной грозой. Все трепетало перед ним, тем более, что от него зависели жестокие заводские наказания. Крут был сердцем

Мелкозеров, и все боялись его, как огня. Не боялся только один Егор Иванович, состоявший при нем зараз в нескольких должностях: он и с подрядчиками ведался, он и горных чиновников умасливал, он и всякие тайные поручения исполнял – везде попевал Егор Иванович, как недремлющее око. И вдруг Егор Иванович отшатнулся от Мелкозерова прочь, – никто даже представить себе не мог, как это произойдет. Между тем все шло по-старому, и Егор Иванович не подавал никакого виду: все тот же Егор Иванович, точно ничего не случилось. Мелкозеров, конечно, уже знал о сибирском золоте и тоже не подавал виду, что знает что-нибудь. Крепкие люди сошлись.

Однако выпал роковой день, когда все разрешилось само собой. Это случилось в июле, в самую страду. У Мелкозерова было два железных завода, и управляющим состоял его племянник Капитон Титыч, такой же «ндравный» и упрямый человек, как и сам старик Мелкозеров. Летнее время на заводах тихое, потому что рабочие распускались на страду. Сам Мелкозеров проживал в Сосногорске и потребовал к себе племянника для каких-то объяснений. Но вместо племянника получила коротенькая записка: «Рыбу ловлю. Некогда. Да и говорить нам с тобой, дядя, не о чем сейчас. Капитон Мелкозеров». Вскипел старик и послал строгий наказ послушнику явиться немедленно. В ответ получилась записка еще короче: «Не хочу. Капитон Мелкозеров». Это уже окончательно взорвало старика, и он послал на заводы нарочитых людей, чтобы привезли Капитона живого или мертвого.

– Я за все в ответе! – кричал старик. – Орудуй в мою голову!..

Прежде он поручил бы это дело Егору Ивановичу, а теперь обошел его. Это был явный признак опалы. Егор Иванович не шевельнул бровью: не его воз, не его и песенка.

Итак, стоял жаркий июльский день. Егор Иванович по обыкновению сидел в своей конторе, устроенной при громадном мелкозеровском доме. Контора выходила окнами на улицу, и Егор Иванович видел, как к воротам подъехала простая деревенская телега, на которой сидели четыре здоровенных мужика.

– Капитона привезли!.. – пронеслось по конторе.

Все служащие так и замерли, ожидая, чем разыграется вся история. Телега въехала во двор и остановилась у крыльца. Доложили о приехавшем госте самому хозяину. Выбежал на крыльцо оторопелый подручный и проговорил:

– Капитон Титыч, пожалуйте в контору... Лаврентий Тарасыч сейчас туда придут.

– Не хочу... – ответил лежавший на телеге Капитон; он и не мог прийти, потому что был связан по рукам и ногам.

А старик Мелкозеров уже успел спуститься в контору и смотрел в окно. Он даже зашипел от ярости, услышав такой ответ.

– Как же он придет, ежели лежит связанный, – объяснил спокойно Егор Иванович.

– Ну, ступай приведи его, дурака...

Егор Иванович отправился, велел развязать Капитона, но тот продолжал лежать в телеге и не хотел вставать.

– Не хочу... – ответил Капитон на все уговоры.

– Несите его, шучьего сына, на руках! – крикнул Мелкозеров в окно.

Здоровенные мужики подхватили ослушника на руки и внесли в контору.